

И.В. МАЛЫГИНА

Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика

Несмотря на то, что история национализма насчитывает не менее двух столетий, этот феномен по-прежнему вызывает непримиримые разногласия среди исследователей. Отсутствие общепринятой дефиниции привело к самым противоречивым его интерпретациям и оценкам: от осуждения как кризисного явления культурно-исторического процесса до культивирования в качестве здорового признака идентичности и независимости народа.

В связи с этим выявление некой универсальной сущности национализма, осмысление его как целостного феномена – задача методологически важная. В противном случае мы всякий раз будем иметь дело с набором уникальных конкретно-исторических форм его проявления, не поддающихся какой-либо систематизации. Для решения этой задачи представляется продуктивным осмысление той эволюции, которую феномен национализма прошел с течением времени и которая, как мне кажется, позволяет зафиксировать некоторые универсальные закономерности.

Проблема этнической идентичности существует со времен первобытности (ее первое проявление – родовой тотемизм и его маркеры). Но до эпохи формирования наций этническая идентификация, как и этнофобия строились почти исключительно на наборе культурных атрибутов (язык, верования, обычаи, образ жизни и т.п.). Национализм же – это преимущественно политическая форма манифестации этничности. Если вспомнить суть первых национальных теорий "одна нация – одно государство" [Лорд Актон, 2002], то выходит, что первоначальный национализм преследовал цель отождествления политических и этнических единиц [Гелнер, 1991].

В таком контексте национализм воплощал "*идею нации*" – принципиально новый подход к мировому устройству, к территориальному размежеванию народов, который в XVIII–XIX вв. пришел на смену полиэтничным монархиям, построенным по династическому принципу. Иными словами, под национализмом подразумевались теория и практика строительства государства, характеризующегося этнической и культурной однородностью.

Однако идея нации изначально содержала в себе неразрешимое онтологическое противоречие. Поскольку абсолютно гомогенное в этнокультурном отношении общество возможно только гипотетически, постольку трудно абстрагироваться от очевидности, что процесс строительства наций, целью которого является этнокультурная однородность, почти всегда основан на культурно-политическом доминировании одного из этносов в более или менее гетерогенной популяции "национализирующегося" государства. При этом все прочие народы и этнические группы, оказавшиеся в границах данного образования, попадают в зависимое положение от "государствообразующе-

го" этноса. В таких условиях выбор методов достижения этнокультурной однородности зависит от меры гуманности и цивилизованности властвующей элиты или определяется конкретными государственно-политическими интересами и историческими обстоятельствами.

Хорошо известно, что арсенал подобных методов не исключает принудительной культурной ассимиляции, ущемления прав национальных меньшинств, насильственной депортации неугодных народов, актов геноцида и т.д. Если добавить к этому активную колонизацию европейцами стран других континентов в XVII–XIX вв., станет понятно, почему последующая трансформация понятия "национализм" привела к исключительно негативному его употреблению, а именно в значении идеологии, политики и социальной практики подчинения одних народов другими. Отмечу, что в отличие от научных исследований, рассматривающих все многообразие форм проявления национализма, в общественном сознании многих народов (в том числе и русского) преобладает именно эта негативная коннотация.

Конфликт (явный или скрытый) между титульным этносом или метрополией, с одной стороны, и национальными меньшинствами или коренным населением колоний – с другой, стимулировал дальнейшее смещение акцентов в интерпретации феномена национализма. Прежде всего он стал отождествляться с идеологией *социального и культурного консерватизма*, поскольку в процессе формирования национального самосознания не просто фиксировалось представление об уникальности собственного исторического опыта, культуры и социального порядка, но и осознавалась необходимость их сохранения и культивации вплоть до насильственного навязывания своих культуры, языка и самосознания иным народам. Одновременно происходила концептуализация прогноза будущего нации и национального мироустройства, осмысление той особой роли, которую нация как особый тип социокультурной организации призвана сыграть в мировом культурно-историческом процессе. Таким образом, происходила сложная трансформация *"идеи нации"* в *"национальную идею"*.

Вместе с тем опыт "национального поражения" в истории некоторых народов стимулировал развитие *"оборонительного"* национализма, в котором доминировали поиски новых или дополнительных оснований для восстановления национальной независимости и самоуважения. Здесь национализм вновь выступает как *"идея нации"*. Круг замкнулся...

Безусловно, эта наиболее типичная дихотомия не отражает всего разнообразия реальных проявлений национализма. Другой опыт его осмысления и типологизации восходит к традиции разделения наций на "гражданские" и "этнические" (или "культурные"). Соответственно, и национализм, рассматриваемый под данным углом зрения, либо воплощает преданность и лояльность национальному государству, либо акцентирует общность происхождения, языка, религии, культурных традиций и т.д.

В контексте третьего подхода раскрывается сущность национализма с точки зрения его *субъекта*. Если речь идет об идеологии, политике и социальной практике, осуществляемой государством или политической элитой, то говорят об *"официальном"* или *"государственном"* национализме. Когда же подразумевается национализм как национально-освободительное движение, то за этой его разновидностью закрепилось наименование *"массового"* [Андерсон, 2001]. Следует заметить, что национальные процессы, приводящие к насилию, терроризму и т.п., могут носить разный характер.

Если попытаться выделить из всего многообразия интерпретаций феномена национализма некую универсальную сущность, то, вероятно, можно определить его как *историческую форму универсального социально-психологического процесса обеспечения этнокультурной консолидации общества, возникающую на этапе становления буржуазных государств*. При этом в каждой конкретно-исторической ситуации национализм *актуализирует специфические основания, мотивацию, механизмы формирования и черты проявления этнокультурной идентичности*.

Опыт национальной самоидентификации русских, бесспорно, в значительной степени универсален. Если же размышлять о его специфике, то, во-первых, необходимо охарактеризовать исторические и социокультурные условия, в которых формировался русский национализм, во-вторых, выявить различные формы выражения этнокультурной идентичности, развитие которых он стимулировал.

Как известно, отличительной особенностью российского социума во все времена являлась высокая степень его полиэтничности. Вся история России развивалась по пути наращивания этнического, а значит, культурного и конфессионального многообразия и, несмотря на активные ассимиляционные процессы, уровень его остается достаточно высоким, даже после распада Советского Союза.

Другая особенность русской культуры, важная для нашего анализа, состоит в том, что она, как правило, формировалась под сильнейшим внешним влиянием. На протяжении столетий славянские культурные традиции переплетались и синтезировались с византийской, западноевропейской, мусульманской и языческой кочевой культурами.

Еще одна специфическая черта российской истории – это длительное отсутствие общенационального языка и равноценное использование в разных сферах общественной жизни церковно-славянского, "приказного" ("подьяческого") и живого разговорного русского языка, на базе которого в существенной мере формировался и общенациональный литературный язык [Безлепкин, 2001]. Плюс к этому – устойчивость языков национальных меньшинств России, а также наличие диалектных говоров различных этнографических групп самих русских (северокавказских, уральских и сибирских казаков, некоторых групп старообрядцев, поморов, камчадалов и пр.).

А если к этому добавить огромную пространственную протяженность России при слабо развитой системе экономических и информационных коммуникаций, то вполне объяснима еще одна особенность – отчужденность основной массы населения от наиболее важных, "судьбоносных" для страны исторических событий и индифферентность по отношению к ним. Ведь концентрация социальной жизни, а соответственно, и формирование национальной общественной мысли осуществлялись в нескольких наиболее крупных центрах (Петербурге, Москве, Киеве).

Этими обстоятельствами во многом обусловлен значительный разрыв между словесными субкультурами российского общества. Он был настолько велик, что формирование общерусской национальной культуры, начавшееся в последней трети XIX в., завершилось лишь после революции 1917 г. Наконец, вспомним о том, что становление национального государства в России происходило в условиях военно-имперского режима, который препятствовал рождению открытого гражданского общества и формированию естественных для Европы общественных гражданских институтов.

По совокупности названных факторов появившийся в XIX в. на исторической арене феномен национализма обрел на российской почве две основные формы, уже отмечавшиеся мною выше.

В полиэтнической Российской империи мощное развитие получил "*государственный*", или "*официальный*", национализм, который реализовывался посредством политики "*русификации*" инородческого населения страны. Возможно, в качестве одного из существенных отличий русского национализма от европейских аналогов можно назвать именно определяющую роль государства. Очень точно это определил российский политический деятель начала XX в. П. Ковалевский: "Великий национальный всполох пошел в России не снизу вверх (как в Европе), а сверху вниз" [Кочубинский, 2001, с. 80].

Первые пробные шаги политики культурной русификации связаны с именами Екатерины II и Николая I, не признававших за украинцами статуса самостоятельного народа и запрещавших использование "малороссийского наречия" в обществен-

ных местах [Ульянов, 1996; Грушевский, 1913]. А первыми идеологами русификации, более или менее складно систематизировавшими и аргументировавшими ее основания, стали, как ни странно, декабристы, сочетавшие в своих взглядах социальный радикализм с национальным [Федоров, 1992].

Но подлинный общегосударственный масштаб политики русификации инородцев отмечается в конце XIX в. В тот период одним из первых объектов активной русификации стало немецкое население прибалтийских губерний. В 1887 г. русский язык был введен здесь как обязательный для преподавания в государственных и частных школах. Насколько важной представлялась эта задача правительству, свидетельствует тот факт, что в 1893 г. был закрыт один из лучших университетов империи – Дерптский – и именно по причине использования немецкого языка в образовательном процессе [Андерсон, 2001].

Последующее повсеместное введение русского языка в качестве государственного (и в первую очередь в сферу образования) преследовало две главные задачи: *постепенную культурно-языковую унификацию населения империи и подготовку национальных кадров*, необходимых для создания самодостаточной экономики, формирования общенационального рынка, укрепления армии, системы образования и т.д. Следует отметить, что во всех сферах инородцы проявляли очень высокую подготовленность и, соответственно, конкурентоспособность.

К началу XX в. государственный национализм обрел организационно-политические формы. В этот период оформился, в частности, "Союз русского народа", более известный как движение черносотенцев, отличавшийся крайней агрессивностью по отношению к инородцам. Черносотенцы были инициаторами большинства еврейских и иных национальных погромов. Показательно, что сам император Николай II благословил это движение. Существует мнение, что именно русское черносотенство явилось "первоисточником" европейского нацизма [Любош, 1925; Лакер, 1994]. Об этом пишут и сами лидеры черносотенства в своих мемуарах [Markov, 1935].

Близкой по идейному содержанию, хотя и более умеренной политической организацией этого исторического периода, явился Всероссийский национальный союз (ВНС). Провозгласив в качестве программного лозунг "Россия для русских...", ВНС проводил в III и IV Государственной думе политику "русификации инородцев", которая предусматривала две основные формы воплощения: политическую (частичную) и культурную (полную).

Полной культурной ассимиляции подлежали народности, не имеющие собственной письменности и городской культуры и, следовательно, по мнению идеологов ВНС, не имеющие права на самостоятельное существование. К народам же с многовековой историей и самобытной культурой русские националисты относились более осторожно, ведя примиренческую политику, как, например, при решении польского вопроса. Для того чтобы проиллюстрировать суть этого отношения, позволю себе развернутую цитату из высказывания лидера ВНС – М. Меньшикова: "Мысль обезличить тысячелетний, крайне своеобразный славянский народ, лишить его национальности – мне глубоко противна. Когда поляки добровольно делаются русскими, это мне нравится, но насильственно внедрять в себя несродное, неразтворимое тело – эксперимент столь же опасный, сколько жестокий". И дальше с плохо скрываемой досадой: "Нации, организованные культурно... лучше не трогать, иначе не оберешься хлопот, и сомнительные выгоды будут куплены несомненными бедствиями... Мне всегда казалось, что если вы не можете проглотить кусок, то лучше выплюнуть его..." [Меньшиков, 1907, с. 104]. И все же конечной целью политики ВНС в отношении Польши объявлялась политическая (частичная) русификация: государственно-территориальное единство с Россией при сохранении определенной культурной самобытности населения [Коцюбинский, 2001].

Итак, ультранационалистические идеи и движения в России начала XX в. не отличались многообразием. Разница заключалась лишь в том, что одни выражали откровенную приверженность расово-биологическому объяснительному принципу нацио-

нального феномена (в случае черносотенства), другие же (ВНС) пытались скрыть ее за размышлениями о духовно-культурном происхождении нации, в духе высказывания В. Бобринского: "...без православия нет русского народа в культурном и национальном значении этого слова" [Бобринский, 1911, с. 138].

Добавлю, что представители Союза русского народа участвовали в деятельности I Государственной думы, а Всероссийский национальный союз являлся одной из наиболее влиятельных политических сил России в период между двумя революциями (1905 и 1917 гг.) и служил серьезной парламентской опорой премьер-министра П. Столыпина. Таким образом, деятельность этих организаций также следует рассматривать как проявление официального государственного национализма.

Октябрьская революция 1917 г. и последующее образование Советского Союза, казалось бы, принесли концептуально противоположную парадигму государственного развития. Как известно, большевики шли к власти под знаменем интернационализма, борьбы против различных проявлений национального антагонизма. Однако реальный интернационализм во внутренней политике Советского государства продержался не более десятилетия. Постепенно он все больше превращался в основание внешней идеологической и политической экспансии, а внутри страны "советская национальная идеология эволюционировала к традиционному государственно-патриотическому подходу с четкой иерархией статусов разных народов, приоритетов отношения к ним и т.п., хотя в большинстве случаев место того или иного этноса в этой иерархии определялось, скорее, актуальными политическими соображениями, нежели национальными предубеждениями власти" [Флиер, 2002, с. 105].

За ритуальными акциями, демонстрирующими "нерушимую дружбу народов СССР", фактически скрывалась все та же политика культурной унификации, в результате которой народы СССР (и прежде всего русский) постепенно трансформировались в "новую историческую общность – советский народ", консолидируемый общей идеологией и русско-советским языком, а также причудливой мозаикой из обычаев, традиций и элементов культурного наследия большинства "титulyных этносов" страны [Флиер, 2002, с. 105–106].

Следствием стал рост напряжения в межнациональных отношениях, которое в условиях кризиса экономики и политической власти выразилось в усилении "оборонительного" национализма, в практике сепаратизма и межнациональных конфликтов, а как итог – в развале империи. Итак, можно констатировать, что политика русификации в ее явной или скрытой форме сохраняла свою актуальность до середины 80-х гг. XX столетия.

Нельзя не признать, что сегодня идеология национализма в России имеет чрезвычайно широкий спектр: от примитивной демонстрации идей шовинизма до более тонких форм, связанных с интерпретацией истории русского народа и его духовности. Особую озабоченность в обществе вызывает активизация русского фашизма. Тем не менее идеология национализма в ее негативных формах занимает в российском обществе маргинальное положение. С одной стороны, радикальные национал-патриотические силы находятся в оппозиции по отношению к официальной политике государства, с другой – идеология нацистских, фашистских и иных ультра националистических организаций и объединений (неформальных или обладающих организационной структурой) не находит массовой поддержки у россиян. Даже определенно "оборонительное" движение возрождения казачества вызывает опасения общества из-за явной националистичности его лозунгов.

Русский национализм не приобретает массового характера ни в государствах постсоветского пространства, где русские обрели статус национального меньшинства, ни в ситуациях межнациональных конфликтов. Сегодня со всей очевидностью можно констатировать, что затянувшееся военно-политическое противостояние России и Чечни в наименьшей степени задело *национальные* чувства россиян. Крайнее недовольство самим фактом вооруженного противостояния, террористическими актами, тяжелейшими человеческими потерями адресовано, скорее, руководителям обеих сторон;

враждебности к чеченскому народу русские в массе своей не испытывают. Трагические события с захватом заложников в Москве 24–26 октября 2002 г. также не изменили ситуации. Сентенцию "терроризм не имеет национальности" разделяют не только государственные и политические лидеры, но и простые люди.

Таким образом, вопреки ожиданиям и историческим сценариям, "официальный", или государственный, национализм в России не породил "массового" русского национализма ни в качестве своего продолжения, ни в качестве антипода. Напротив, население России во все времена отличалось выраженной индифферентностью по отношению к инородцам, отсутствием интереса к иному происхождению, стремлением никак не выделять их из своей среды. Отсюда и беспрецедентный размах смешанных браков в советский период (особенно в городах). Истоки этого следует искать в глубинах истории многонационального Российского государства.

Можно выделить и такую специфическую форму, как "*маргинальный национализм*". Имеются в виду проявления национальной неприязни на сугубо бытовом уровне или организованном в какие-то структурные формы (порой устрашающие по своей символике), однако практически не выходящие за пределы чисто вербальных форм самовыражения. К подобным явлениям в сегодняшней России можно отнести различные движения возрождения казачества, эпатажные "красно-коричневые" манифестации сторонников Э. Лимонова и даже организацию Русского национального единства, шокирующую своей нацистской символикой, но поразительно законопослушную в практической деятельности.

Тем не менее альтернативная "официальному национализму" традиция в России существует. Условно я назову его "*либеральным национализмом*". Он оформился в контексте размышлений представителей русской общественно-философской мысли о роли России во всемирном культурно-историческом процессе и напрямую связан с формированием "русской идеи". Его субъектом во все времена являлась та часть культурной элиты, которая придерживалась умеренно консервативной идеологии, но призывала к либеральным формам политической практики. Основоположниками этой линии можно считать славянофилов, идеологию которых активно поддерживали Н. Данилевский, В. Соловьев, К. Леонтьев, Г. Флоровский и другие.

Особенность либерального национализма составляет стремление к сохранению культурной самобытности и при этом гуманистическое, ненасильственное, религиозное воплощение "русской идеи". Понимание важности пробуждения и развития национального самосознания сопровождалось поисками оптимальных форм его выражения. Показательной в этом отношении является формула, в которой Соловьев заложил предостережение против деградации национального самосознания: "Национальное самосознание – национальное самодовольство – национальное самообожание – национальное самоуничтожение" (цит. по [Янов, 1995, с. 105]).

Избежать подобной деградации национального самосознания возможно лишь в том случае, если основанием национальной идентификации не являются родовые или расовые признаки (так называемые "кровь и почва"). И для приверженцев либерального национализма главным маркером национальной идентичности всегда была культура. Можно сказать, что русский национализм в основе своей представляет "культурный национализм". Но если определяющим фактором государственной политики русификации можно назвать языковой, то в процессе формирования и декларирования "русской идеи" на роль культурной доминанты выдвигается православие как культурная основа нации. При этом самые активные защитники самобытности русской культуры вынуждены были признать тот факт, что амбиции по поводу ее уникальности и неповторимости беспочвенны, ибо сформировалась она не без активных внешних влияний.

Один из наиболее последовательных защитников культурной самобытности Леонтьев не без горечи иронизировал: "Вера у нас греческая издавна; государственность со времен Петра почти немецкая... общественность французская, наука до сих

пор общеевропейского духа. Своего у нас почти только один национальный темперамент, чисто психический строй" [Леонтьев, 1912, с. 320].

Традиция либерального национализма была прервана на несколько десятилетий и возобновилась в начале 90-х гг. XX в., когда "русская идея" вышла на новый виток осмысления. Наиболее авторитетным представителем этого течения в России наших дней выступает А. Солженицын. Современные национал-либералы по-прежнему ставят вопрос о духовном возрождении русского народа через возвращение к истокам религиозного сознания, исповедуют идею общенационального покаяния, ибо как нет абсолютно безгрешных людей, так и не существует нации, не осознающей за собой грехов. В этом смысле Россия не составляет исключения [Солженицын, 1991; Шрейдер, 1991].

Подводя итог, следует отметить, что при наличии универсальных закономерностей, характеризующих феномен русского национализма, существуют и некоторые его специфические черты, обусловленные, с одной стороны, этноментальным опытом русского народа, а с другой – особенностями исторического и социокультурного развития российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

Безлепкин Н.И. Философия языка в России: к истории русской лингвофилософии. СПб., 2001.

Бобринский В.А. Пробный камень славянского братства // Лад. СПб., 1911.

Гелнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

Грушевский М. Иллюстрированная история Украины. СПб., 1913.

Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994.

Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство // *Леонтьев К.Н.* Сочинения. Т. 6. М., 1912.

Лорд Актон. Принцип национального самоопределения // *Нация и национализм.* М., 2002.

Любош С.Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925.

Меньшиков М.О. Письма к ближним. СПб., 1907.

Солженицын А.И. На возврате дыхания и сознания // *Новый мир.* 1991. № 5.

Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996.

Федоров В.А. Декабристы и их время. М., 1992.

Флиер А.Я. Культурология как образование: проблемы формирования культурной компетентности личности // *Флиер А.Я.* Культурология для культурологов. М., 2002.

Шрейдер Ю. На развалинах культуры // *Новый мир.* 1991. № 8.

Янов А. После Ельцина. "Веймарская Россия". М., 1995.

Markov N. Der Kampf der dunklen Mächte. Erfurt, 1935.